

ОЩУЩЕНИЕ СВЕТА

Рецензия: *Мартынов, В.Ф. Культурология. Теория культуры: учебное пособие / В.Ф. Мартынов. – Минск: АСАР, 2008. – 848 с.*

”Мы живем в мире одержимости. И мы это знаем”¹, – пишет Й. Хёйзинга в своей известной работе (8). Повсюду витают настроения грозящей миру гибели, страх перед ближайшим будущим, сомнения в прочности какого бы то ни было общественного устройства, ощущение упадка культуры, массового распространения утилитарного, потребительского подхода к жизни. «Мы воочию видим, – отмечает Хёйзинга, – как шатается все то, что казалось прежде незыблемым и священным: истина и человечность, право и разум. Мы видим, как перестают функционировать государственные институты, хиреют производственные системы. Мы видим, как продолжают отчаянно работать вхолостую общественные силы. Грохочущая машина этого неистового времени того и гляди начнет буксовать» (8). Этот грохочущий мир порождает дисгармоничные вибрации, которые вносят разлад и смятение в души людей и их сознание.

В такие периоды для общественного сознания важен выход работ, в которых системно, всесторонне, глубоко и качественно давался бы анализ сложившейся ситуации, определялись ценностные и смысловые ориентиры развития, пути их воплощения, находились правильные ответы на непростые вопросы бытия. Нельзя не согласиться с автором рецензируемого издания, что такие ответы можно найти только путем глубокого осознания ценностей культурного общечеловеческого «космоса» на основе интенсивного диалога культур. Постигание смысла наиболее значимых феноменов культуры, включая культуру религиозную, один из наиболее эффективных способов пробуждения и просветления душ и сознания людей, в чем так остро нуждается современное общество. Без преувеличения, культура – это светоносное начало в жизни людей. В этом убеждает весь многовековой

¹ Ссылки на авторов будут даваться по рецензируемому изданию с указанием страницы в скобках.

опыт развития человечества. Как *почитание света* толковал происхождение слова *культура* Н.К. Рерих, выделяя в нем два корня: *культ*- ‘почитание’ и *ур*- ‘свет’.

Ощущение света, согревающего и просветляющего душу, возникает уже с чтения первых страниц рецензируемой книги и не оставляет читателя до последней страницы, несмотря на то, что зачастую речь идет о драматических, а порой и трагических, коллизиях в развитии человечества. Вероятно, это связано, прежде всего, с умело подобранным профессором В.Ф. Мартыновым массивом текстов виднейших представителей культурологической мысли, начиная с античности и заканчивая современностью. Читатель, следуя за движением их мысли, напряженным духовным поиском сущности и смысла жизни, невольно сам вовлекается в противоречивый процесс осмысления гармонии бытия, поисков человеческого счастья. И как следствие – в нем пробуждаются архетипы его сознания, извечно сформированные светом.

Еще одним фактором такого пробуждения выступает авторское видение рассматриваемых проблем, предшествующее базовым текстам мыслителей прошлых эпох и современности. Путеводной нитью осмысления сложных, иногда отрицающих друг друга, культурологических смыслов, заключенных в текстах различных авторов, равно как и самих проблем гармонизации бытия, поисков человеческого счастья, для автора книги является оптимистическое мироощущение, опирающееся на духовные истоки всего сущего в мире. Во «Введении» В.Ф. Мартынов так формулирует свой концептуальный тезис мировидения: «История учит: всё, что не связано с духовными истоками, обречено на мимолетное существование, каким бы ярким и привлекательным оно не показалось вначале» (5).

Хочется процитировать еще один важный методологический принцип, сформулированный во «Введении» и оказавший влияние на особенности содержания книги: «Путь мудрости требует душевной отдачи, душевной открытости каждому мгновению, постоянного обновления, роста, очищения

внутреннего мира на основе интенсивного общения с Красотой, которая воплощена в культуре» (5). По мнению автора пособия, наука о культуре открывает этот путь мудрости, она погружает человека в мир напряженных духовных поисков, творческого отношения к жизни, выступая опорой в создании человеческого счастья. Суть этой опоры в том, что наука о культуре формирует мировосприятие, адекватное человеческой сущности. В этом случае человек становится способным отличать вечное от временного, истинное от ложного, возвышенное от низменного (ряд можно продолжать), овладевая самой главной наукой – наукой о счастье. Вступить на путь мудрости, отшлифованный тысячами духовными поисками людей, в первую очередь предлагается тем, кто призван в будущем укреплять и развивать его – студентам вузов, учащимся колледжей, магистрантам и аспирантам, поскольку пособие адресовано прежде всего им. Безусловно, оно будет полезно и интересно также широкому кругу читателей, интересующихся смыслом жизни, поисками счастья, спецификой современного культурного развития.

Основную часть книги открывает раздел «Культурология в контексте современной социокультурной ситуации». Здесь в авторском подразделе В.Ф. Мартынов говорит об актуальности культурологии как науки, важности и нужности ее изучения в современном обществе. Он отмечает, что это вытекает из требований социокультурной ситуации, сложившейся в современном мире, из того, что общество, с точки зрения духовного развития, не смогло в полной мере осознать феномена взлета научно-технического прогресса и его последствий для развития человечества. Стремительный научно-технический прогресс и возрастающая чуть ли не в геометрической прогрессии информатизация общества породили эффект глобализации и вместе с ней ряд опасных тенденций и противоречий.

Во-первых, в условиях глобализации общество не смогло выработать всеобщей ответственности за происходящее, оставаясь во власти локального мышления. Возникло противоречие между глобальностью технического

взлета и ограниченностью реально функционирующего сознания, углубилась конфронтация между обществом и природой, с трудом выдерживающей напор научно-технического прогресса.

Во-вторых, усилилась тенденция десакрализации смысла жизни, потребительский подход к жизни стал преобладающим, человек стремительно стал превращаться только в рациональную личность при нарастающей деградации духовных чувств.

В-третьих, процесс разрушения оптимистического взгляда на мир стал массовым, в обществе обострилось трагическое мироощущение.

Все это, по справедливому мнению В.Ф. Мартынова, требует глубокого переосмысления ценностных ориентиров, определения духовных приоритетов, способных гармонизировать современное общество. Это возможно лишь на путях постижения смысла наиболее значимых феноменов культуры.

Авторские концептуальные положения данного раздела получают свое панорамное представление в текстах более чем двадцати видных представителей культурологической мысли (О. Шпенглер, Э.Б. Тайлор, Й. Хёйзинга, К. Ясперс, Д.С. Лихачев, П. Сорокин, Н. Рерих, А. Камю, Х. Ортега-и-Гассет и др.). В них представлены взгляды известных мыслителей на предмет теории и истории культуры, на специфику современной социокультурной ситуации, на приоритетные направления культуры.

Логически необходимой частью пособия выступает второй раздел «Возникновение и развитие культурологических знаний». В рамках рецензии нет возможности сделать подробный анализ этого почти пятисотстраничного раздела, поэтому отметим только некоторые, важные для авторской концепции моменты.

В.Ф. Мартынов отмечает, что еще мифологический опыт существенно повлиял на формирование культурологической проблематики и последующее развитие культуры. Уже в рамках архаического сознания мифические герои гармонизируют мир, вносят культурные элементы в жизнь людей. В недрах

мифопоэтической картины мира формируются представления о божественном законе как символе вечной, всепроницающей гармонии и связанном с ним этическом измерении человеческой жизни, в соответствии с которым, каждый пожинает плоды того, что он посеял. В мифах зарождаются и развиваются представления о человеке как носителе особой духовной сущности, способной на творчество и создание культуры. Эти представления приводят к осознанию значимости воспитания как формы передачи духовных ценностей от поколения к поколению.

Проблема укоренения культурной преемственности в обществе, по мнению автора пособия, является одной из главных в античности. Важная роль в ее решении принадлежит образованию, которое, аккумулируя общие духовные достижения одаренных людей многих поколений, способно возвысить каждого человека. При этом смысл обучения и воспитания для многих античных мыслителей заключался не просто в накоплении знаний, расширении эрудиции, но внутреннем преображении человека. В этих представлениях культура рассматривается как культ человеческой души, истинные ценности связаны со степенью ее развития. Культура души – это качество, свидетельствующее о духовном развитии личности.

Античность рождает и первую критику достижений цивилизации, которые делают человека не столько свободным, сколько зависимым.

В средние века, констатирует В.Ф. Мартынов, закладываются такие идеи новой культурологической мысли, как осознание трансцендентного, мистического опыта в качестве самой высокой формы сознания, любви как фундаментальной ценности человеческого бытия, веры как ключа к самосовершенствованию человека, символизм. В отличие от античности, в средние века особая роль начинает отводиться не рациональному постижению мира, не знанию, но откровению. Подлинное развитие человека усматривается не в формировании рациональных способностей, знаний о природе, но в метафизическом, мистическом опыте. При этом «в системе новых ценностей духовная чистота, простота ставится несоизмеримо выше,

чем высоко образованный, эрудированный интеллеktуал» (122). Концентрированным сгустком новых культурных идей выступает Священное писание. Культура понимается, прежде всего, как способность к истолкованию Священного текста. В многочисленных храмах, монастырях образованными, духовными людьми создается устойчивое духовное пространство.

В традиционном для культурологии ключе в соответствующем подразделе решается вопрос о возрожденческих представлениях о культуре. Отмечается, что одним из фундаментальных представлений идеологии эпохи Ренессанса является гуманизм, утверждающий главным действующим лицом эпохи раскрепощенного человека, мечтающего о достижении не столько царства божьего, сколько о земных идеалах. В этот период ослабляется влияние религиозных ориентиров, безусловного авторитета церкви, центром творческого внимания становится человек. Основная роль в становлении культурной личности отводится гуманитарным дисциплинам – поэзии, риторике, истории и философии. Содержательные возможности этих дисциплин носят не столько прагматическую направленность, сколько нацелены на духовное возвышение человека, его внутреннее совершенствование.

Здесь нельзя не отметить идеи Николая Кузанского, которого автор пособия считает одним из наиболее ярких мыслителей эпохи Ренессанса, о бытии как красоте и свете. По Кузанскому, бытие, будучи светом, теряет себя во мраке бесконечного множества частных, конкретностей. Функцию возрождения света, преодоления конкретности мира Н. Кузанский отводит человеческой душе, уму, которые способны к действию, творчеству, получая в творческой деятельности кроме природного дара, второй дар – светоносность. Для развитого сознания каждая вещь в мире приобретает значимость, начинает светиться своим внутренним смыслом, светом истины. Благодаря своему созидательному характеру культура «открывает глубинные характеристики бытия – свет, добро, красоту» (141).

В эпоху Возрождения получает свое дальнейшее развитие и критика цивилизации, зародившаяся еще в античности. Многие философы и культурологи этой эпохи, сравнивая искусственный, цивилизованный и естественный, природный мир отдают явное предпочтение последнему.

Эпоха Просвещения усиливает рационалистическое начало в развитии культурологической мысли, отрицая во многом культурно-исторические традиции. По мнению В.Ф. Мартынова, «задача очищения разума от родовых, социальных, исторических, индивидуальных заблуждений во имя получения достоверного знания становится ключевой» (161). Критериями культурного развития общества становятся темпы научно-технического прогресса, глубина познания законов природы и их использования во благо человека.

Культурологические представления индустриального общества (конец XV – XIX вв.) были сформированы такими крупнейшими мыслителями, как И. Гердер, И. Кант, Ф. Шеллинг, Г. Гегель, К. Маркс, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, С. Кьеркегор и др. В авторском подразделе В.Ф. Мартынов дает сжатую характеристику особенностям их культурологических концепций, создающим новую, богатую палитру воззрений на культуру. Здесь и гердеровское различие элитарной и массовой культуры, и кантовские «культура умения» и «культура воспитания», и гегелевское понимание культуры как момента абсолютного, и критика культуры индустриального общества Ф. Шиллером, и столь же пессимистический взгляд на культуру этого общества Ф. Ницше.

В отдельном подразделе представлены работы русских философов и культурологов XIX – нач. XX вв., внесших значительный вклад в исследование проблем культуры: Н.Я. Данилевского, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, П.А. Сорокина и др. Характеризуя особенности русской культурологической мысли, В.Ф. Мартынов подчеркивает, что они включали в себя такие черты, как антирационализм, ярко выраженный гуманизм, экзистенциально-религиозное

отношение к миру. Н.Я. Данилевский одним из первых в своей работе «Россия и Европа» выдвинул идею о культурно-исторических типах, став родоначальником теории «локальных цивилизаций», «замкнутых культур». Он насчитывал 12 конкретно-исторических культурных типов, полагая, что человечество не является чем-то единым, универсальным.

Подраздел «Культурологические идеи постиндустриальной цивилизации» включает второй раздел. Культурологическая мысль XX века, по справедливому утверждению В.Ф. Мартынова, «поражает обилием новых идей, интерпретаций, концепций культурно-исторического процесса» (321). Все это происходит на фоне нарастания сложных, противоречивых проблем техногенной цивилизации, которые и определяют интенсивный духовный поиск, направленный на преодоление кризисной ситуации, социальных катаклизмов.

Автором рецензируемой работы идеи постиндустриальной цивилизации структурируются в 11 подразделов, отражающих различные идеи, концепции, интерпретации культуры. Только одно их перечисление дает представление о напряженном поиске современниками выхода из прогрессирующего духовного кризиса: неозволюционистская концепция культуры; теория локальных цивилизаций; аксиологический подход к пониманию культуры; символическая концепция культуры; игровая модель культуротворчества; диалогическая сущность культуры; психоаналитическая интерпретация культуры; экзистенциальная культурфилософия; культурологические идеи франкфуртской школы; постмодернистская трактовка культурологических проблем; структуралистская версия культуры. Авторская трактовка этих идей, концепций и подходов подкрепляется текстами почти 30 виднейших представителей культурологической мысли современности (О. Шпенглер, Э. Кассирер, М. Бубер, З. Фрейд, К. Юнг, М. Хайдеггер, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, Р. Барт, М. Фуко, К. Леви-Стросс, Ю.М. Лотман и др.).

Последний раздел «Фундаментальные проблемы теории культуры» состоит из 11 подразделов, в которых рассматриваются соотношение культуры и цивилизации, смысл культуротворчества, культура как система феноменов, проблема типологии культур, метафизический смысл культуры и др.

Здесь, пожалуй, следует особо отметить подраздел, в котором рассматриваются восточная и западная модели культуротворчества, что актуально для понимания людей в глобальном мире. Восточная культура, по мнению В.Ф. Мартынова, ключ к гармонизации человеческого существования искала в совершенствовании внутреннего мира личности, овладении присущей ей духовной энергии. Осознание тождественности собственной души с душой Вселенной – путь, по которому должен двигаться человек в своей жизни. Восточный культурный ареал не приемлет активной преобразовательной деятельности, призывая сохранять неизменную душевную гармонию, вкус к красоте в любых экстремальных условиях. Западная культура значительные интеллектуальные, физические усилия направляет «на преобразование внешнего мира, реструктурирование природных элементов бытия, совершенствование общественных отношений» (608). Она в большей степени ориентируется на обустройство земной жизни и в меньшей степени ощущает значимость связи с космосом. Автор пособия приходит к выводу, что «в реальной жизни человечеству еще предстоит выстрадать понимание того, что поиск гармонии, основанный на недоверии к совершенству Целого, культе борьбы, научных знаний, техники, стремлении к тотальному равенству, нивелировке личности, жесткой регламентации всех сторон социального бытия, линейном мышлении, забвении глубины микрокосма, неизбежно превращается в трагедию или фарс» (609 – 610).

Примечательна в этом плане характеристика В.Ф. Мартыновым восточнославянской культуры как культуры, которая всегда функционировала между двух крайних полюсов – Востоком и Западом, что требовало от нее способности к глубокому синтезу, интеграции двух

генеральных линий мирового развития. Влияние полярных культур нередко приводило к тому, что естественный, органичный рост восточнославянской культуры нарушался революционными скачками, направленными на внедрение заимствованных образцов. По оценке автора книги, восточнославянская культура на карте мировой истории представляет собой один из самых динамичных, значимых, богатых духовными достижениями культурных центров, что подтверждает духовную зрелость и мировую творческую высоту восточнославянских народов. Современная восточнославянская культура «способна успешно реализовать свои творческие инициативы благодаря интенции к внутреннему преображению, культивированию душевной чувствительности на основе восстановления прочных духовных связей с богатейшими традиционными ценностями, аккумулирующими почитание природной красоты, гуманистический опыт предков» (663). В традиционные ценности восточнославянского мира следует добавить и христианские ценности, православную традицию.

Характеризуя белорусскую культуру, В.Ф. Мартынов отмечает, что по своей фундаментальной направленности эта культура представляет собой эмпатический тип культуры, в которой культивируется способность человека к сопереживанию, чувствованию, толерантности, богатству душевных проявлений. Эмпатическая направленность белорусской культуры объясняет ее «рахманасць», «памяркоўнасць», которые проявляются в отсутствии этноцентризма, мирном сосуществовании различных наций, религиозных конфессий. Эмпатия сближает белорусскую культуру с восточной культурой, основанной на культе предков, природной гармонии, пантеизме, женственности, толерантности. Менталитету белорусов близка прелесть простого, незамысловатого, проникновенного, например, красота василька, который символизирует безмерную привязанность белоруса к непритязательной, безыскусной, незамысловатой красоте земли белорусской.

Однако белорусской культуре свойственна не только эмпатия, но и практическая направленность, что сближает ее с западной культурой. Вместе

с тем в белорусской культуре, отмечает автор пособия, нет того прагматизма, утилитаризма, индивидуализма, которые характерны для западной культуры. Белорусская культура смогла осуществить органичный синтез пользы и красоты, практически значимого и незаинтересованного, тяготея не к экспансии, противоборству, но к гибкому, толерантному диалогу с иными культурами, другими государственными системами.

Нельзя особо не отметить и рассматриваемые В.Ф. Мартыновым в отдельном подразделе перспективы социокультурной эволюции. Он полагает, что глобализация как устремленность человека к всеобъемлющей интеграции открыла невиданные ранее возможности для сближения культур, расширения коммуникативного пространства. Позитивным моментом научно-технической глобализации является то, что она создает реальные возможности для объединения стран, регионов, народов, формируя единое цивилизационное пространство. Но подлинная интеграция – это понятие не техническое, не экономическое, а культурное, духовное. Закономерной реакцией на результаты прагматической глобализации, которая не приносит человеку подлинного удовлетворения, в области культуры является постмодернистское умонастроение, отражающее переживание неопределенности, случайности человеческого бытия, аксиологического краха. Главный источник всеобщей гармонизации, по мнению автора книги, следует искать не в технической и технологической экспансии, а в духовном пространстве, в раскрытии внутренних возможностей человека, что позволит выйти на качественно иное видение мироздания, самого человека, обнаружить новые, глубинные типы гармонии.

Большое значение книги доктора культурологии, кандидата философских наук, профессора Владимира Федоровича Мартынова в сохранении и развитии культурного пространства можно оценить уже сейчас. Она не только знакомит читателя с миром человеческого культурного «космоса», напряженными тысячелетними духовными поисками людей, но и

пробуждает в нем сформированные светом архетипы сознания, способствует гармонизации человеческого общества.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ